

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 27–788(470.1)(093)

ПАЛЕОСТРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (ПО ЗАПИСЯМ СИНОДИКА И АКТАМ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА)¹

Е. Д. Сулова

Петрозаводский государственный университет, кафедра всеобщей истории

Автор изучает хозяйственную жизнь и управление в Палеостровском монастыре во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. – в период после разорения монастыря старообрядцами, и опровергает сложившееся представление о том, что монастырь увядал. Автор анализирует отношения, сложившиеся между монахами монастыря и местным сообществом, и отмечает, что одним из способов восстановления и поддержки монастыря были добровольные пожертвования – вклады. Представлена характеристика состава вкладчиков и показано, что большинство из них были крестьянами, кроме того монастырь находил поддержку в лице духовенства, влиятельных представителей местной администрации, состоятельных купцов и помещиков из других уездов. Отмечается, что восстановлению монастыря способствовала поддержка государства.

Ключевые слова: Палеостровский монастырь, Заонежье, погост, Синодик, монашество, вкладчик, руга.

1. ВВЕДЕНИЕ

История старинных карельских обителей и пустыней в раннее новое время остается малоизученной. Во многом это связано с плохой сохранностью источников и их не всегда успешным поиском. В этом смысле представляет исключение история Палеостровского монастыря, старинные грамоты которого, казалось бы, навсегда исчезли в опустошительных пожарах. В середине XIX в. выдающемуся палеографу Е. В. Барсову удалось обнаружить в архиве обители более 60 актов, датированных преимущественно XV–XVII вв.² Поставив целью изучить жизнь братии со времени ос-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Церковь и крестьянское сообщество в Карелии эпохи раннего нового времени» (№ 11-31-00348а) и в рамках Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012—2016 гг.

² Опись древних письменных памятников, находящихся в Палеостровском монастыре и приложенных в противях к описанию онаго (в подлинниках и в списках). Самые акты / Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чте-

нования монастыря до середины XIX в., автор наиболее детально проанализировал сведения о составе иноков, количестве храмов и земельных владениях в XVI—XVII вв. и в первой половине XIX в.

Исследователь полагал, что события конца XVII—XVIII в. – ввиду отсутствия в его распоряжении источниковой базы – были «ничем особенным для монастыря не замечательны»³. Эпоха раннего нового времени, с его точки зрения, завершалась разорением обители старообрядцами в 1687 и 1689 гг. и её упадком, который продолжался вплоть до конца XVIII в.⁴

Проанализировав историографию вопроса о времени основания Палеострова и опираясь на сведения писцовой книги Заонежских погостов 1563 г., И. А. Чернякова убедительно доказала, что монастырь был основан не ранее 1440-х гг.⁵ Привлекая данные писцовых и переписных книг конца XV—XVII в., документы XVIII—XIX вв., опубликованные Е. В. Барсовым, исследователь систематизировала сведения о количестве церквей, хозяйственных построек и келий, о числе братии монастыря в одиннадцати хронологических срезах⁶.

Ю. Н. Кожевникова поставила вопрос о степени влияния политики государства на жизнь обители в XVIII в. Изучив комплекс делопроизводственной документации, в том числе ведомости о монашествующих, материалы проводившихся описей имущества и ревизий состава братии, дела о расследовании случаев самовольного пострижения мирян, Ю. Н. Кожевникова установила, как сокращалось число иноков и служек с 1722 по 1800 г., какую благотворительную деятельность вела обитель по содержанию отставных солдат и сколь обширны были земельные участки, находившиеся в её владении. С точки зрения автора, политика государства носила «антимонашеский» характер и привела к тому, что к началу XIX в. Палеостровская обитель была поставлена на грань «исчезновения»⁷.

Несмотря на то, что история Палеострова в своих основных чертах представлена в работах исследователей, многие сюжеты остаются неизученными и до сих пор будоражат воображение любителей старины. Один из них – об отношениях, которые складывались между братией монастыря и локальным сообществом и отнюдь не ограничивались решением хозяйственных и административных дел.

ния в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). М., 1868. Кн. 1. С. 68–222.

³ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 55.

⁴ Там же. С. 54–56.

⁵ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 214–218.

⁶ Там же. С. 225.

⁷ Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 87–88; *Её же*. Палеостровский монастырь и «антимонашеская» политика государства в XVIII в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 51; *Её же*. Заштатные монастыри Олонецкой и Петрозаводской епархии. Результаты и последствия секуляризационной реформы 1764 г. (на примере Палеостровского Рождества Богородицы монастыря) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 31–45.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Синодик Палеостровского монастыря

Уникальную возможность для постановки и всестороннего рассмотрения этого вопроса представляют сведения Синодика монастыря, хранящегося в собрании рукописей Древлехранилища Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Рукопись объёмом в 61 лист датирована, как значится в описи и на форзаце, началом XVII в. (с добавлениями XVIII–XIX вв.) и написана пятью-шестью почерками – от красивого полуустава до беглой скорописи⁸.

Синодик имеет самоназвание – «Сенадик Святыя соборныя и апостольския церкви сиречь поминание прежд отшедших душ к Богу»⁹ – и относится к типу синодиков (помянников) с предисловиями, которые восходят к редакции синодика Иосифа Волоцкого¹⁰. Чин «последования о усопших» предшествует трём предисловиям, обязательно включавшимся в синодики такого типа. Предисловия включают в себя:

1) три слова игумена Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого 1479 г. о спасительной силе помянников, о преемственности родового поминовения со ссылкой на сочинения Иоанна Златоуста, об обязанности игуменов помянуть тех, кто умер и не оставил вкладов¹¹ (л. 5–11);

2) статью о великих князьях, идейно обосновывающую русское самодержавие (л. 11 об.–16);

3) повествование о реформе митрополита Макария 1548 г., согласно которой в церковной практике было закреплено синодичное предисловие Иосифовой редакции (л. 16 об.–19).

Помянник раскрывает красочно оформленная в неовизантийском стиле заставка, внутри которой читается следующая запись: «Сей Сенодик монастыря Палеостровскаго Рождества Пречистыя Богородицы, что на Онеги езери в Олон[е]цком уезде»¹². Далее следует молитва Кирилла Иерусалимского, в текст которой вставлены списки имён вечного поминовения: 1) прародителей человечества Адама и Евы (л. 21–22); 2) вселенских патриархов (л. 22 об.); 3) патриархов Московских и всея Руси (л. 23); 4) «восточных великих царей» (л. 23 об.–24); 5) царей Московских (л. 24 об.); 6) «Московских же и всеа Русии царей иных родов» (л. 25–25 об.); 7) «благоверных и христолюбивых цариц» (л. 26–26 об.); 8) «благоверных Московских и всеа Русии цариц» (л. 26 об.–27 об.); 9) «благоверных великих князей» (л. 28–29 об.); 10) «благоверных великих княгинь» (л. 30–30 об.);

⁸ Синодик Палеостровского монастыря (нач. XVII в. с добавлениями XVIII–XIX вв.) // Древлехранилище Института Русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Оп. 23. № 53 (далее Синодик).

⁹ Синодик. Л. 5.

¹⁰ Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011. Вып. 6. С. 9, 16, 21.

¹¹ Там же. С. 21–22.

¹² Синодик. Л. 20 об.

11) «преосвященных митрополит» (л. 31–31 об.). Некоторые из указанных списков активно пополнялись новыми сведениями.

Помянник включает в себя списки имён братии и слуг монастыря, а также мирян, на поминавание душ которых были сделаны вклады (л. 34–61). В поминальных записях нередко фиксировались прозвища вкладчиков-мирян, их местожительства и социальный статус. Между списками имён находим вставку, которая включает в себя список имён игуменов и строителей обители с 1463 по 1807 г., восстановленный, как указано в Синодике, по грамотам, сохранившимся после «нападения... и разграбления» обители «поляками» в 1613 г. и «раскольниками» в 1690 г. (л. 45 об.–49 об.), а также рассказ о разорении монастыря «раскольниками» в 1689 г. (л. 45 об.–49 об.).

Наиболее ранняя часть рукописи написана чёрными яркими чернилами крупным неспешным полууставом и включает в себя тексты предисловий, молитвы Кирилла Иерусалимского, поминальных записей рода «создателя... обители» преподобного Корнилия, десяти родов новгородских посадников и местных крестьян.

Анализ почерков и чернил записей, внесившихся в текст молитвы Кирилла Иерусалимского, позволяют точнее определить дату составления самой ранней части Синодика. В частности, имена московских патриархов Иова (ум. 1607), Гермогена (ум. 1612), Филарета (ум. 1633) и Иоасафа I (ум. 1640) вписаны яркими чернилами крупным неспешным полууставом, в то время как имя преемника Иоасафа I – Иосифа (ум. 1652) – внесено уже светлыми чернилами неровным почерком¹³. Кроме того, в списке имён московских царей на полях и между строк первая вставка о поминавании душ Михаила Федоровича Романова (ум. 1645) и его жены Евдокии Лукьяновны (ум. 1645) сделана кинноварью – также неровным полууставом¹⁴. Из этого можно заключить, что часть Синодика, написанная ровным полууставом, а именно тесты предисловий, молитва Кирилла Иерусалимского, поминальные записи рода «создателя... обители» преподобного Корнилия¹⁵, десяти родов новгородских посадников и местных крестьян¹⁶, была написана не ранее 1640 г., но и не позднее 1645 г.

Большинство записей – 66, как удалось установить исходя из сведений о жизни вкладчиков, внесены в помянник во второй половине XVII – первой трети XVIII в. Только четыре записи сделаны в конце 1790-х – начале 1800-х гг. Одна из них, включающая 11 имён, была составлена по просьбе Тихона Васильевича Баландина, горного инженера Петровских заводов, послушника Палеостровского монастыря в 1798–1800 гг.¹⁷ Е. В. Барсов сообщает, что в 1800 г. Тихон Баландин «принуждён был по неза-

¹³ Синодик. Л. 23. Макарий (Булгаков), митроп. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т. 2: Патриарший период (1586–1700 гг.).

¹⁴ Синодик. Л. 24 об., 27 об.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Там же. Л. 37–40 об.

¹⁷ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 58; Беспятых Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. С. 76; Синодик. Л. 37.

висящим от него обстоятельствам оставить послушничество»; тем не менее спустя несколько лет – в 1806 г. – он нашёл 700 руб. ассигнациями для сооружения раки из красного дерева для почивавших под спудом мощей преподобного Корнилия¹⁸.

В двух записях указана точная дата – 29 мая 1798 г. Судя по размашистому почерку и цвету чернил, они были составлены одним человеком – петербургским купцом Николаем Шаровым за себя и за жителя города Олонца из рода Чюсовых¹⁹. Купец внёс десять рублей, олончанин – семь²⁰.

Точная дата – 26 января 1734 г. – отмечена и в помете к списку имён представителей рода «новгородского помещика князя Савина Мышецко-го»²¹. Указанная дата не согласуется со сведениями о родственниках вкладчика, чьи имена внесены в Синодик. Первым в записи значится основатель династии – князь Гавриил (ум. 1668), затем его сын Савва (ум. 1721), внуки – Семён Саввич (ум. 1727) и Афанасий Саввич (ум. 1762), а также правнук – Дмитрий Афанасьевич (ум. 1804)²². В таком же порядке указаны пять женских имён, из которых угадываются три последних – первой и второй жён Саввы Гавриловича – княгини Акулины (ум. после 1713) и княгини Евдокии (ум. после 1730), а также Стефаниды, жены Семёна Саввича (упом. 1728)²³. Все имена записаны одним и тем же почерком. Выявленные сведения заставляют предположить, что запись представляет собой позднюю вставку и была сделана после смерти Дмитрия Афанасьевича – в начале 1800-х гг.

Таким образом, с 1730-х гг. вплоть до конца 1790-х гг. Синодик не использовался. Вероятно, это было связано с истечением установленных сроков поминовения душ усопших вкладчиков и их родственников и созданием нового Синодика. Возобновление записей в конце 1790-х гг. вполне могло быть связано с утратой действовавшего помянника, возможно, сгоревшего в пожаре в 1794 г.²⁴

Акты приказного делопроизводства и переписные книги

Сведения переписных книг 1678 и 1707 гг. Заонежских погостов о дворохозяевах и лицах мужского пола, числившихся в их дворах, позволяют расширить данные о местожительстве, социальном статусе и родственных связях вкладчиков и их родственников. Особую ценность представляют акты приказного делопроизводства второй половины XVII в., хранящиеся в составе фондов «Олонцкой воеводской избы» (ф. 98) и «Новгородского Софийского Дома» (ф. 171) Архива Санкт-Петербургского Ин-

¹⁸ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 59.

¹⁹ Синодик. Л. 57.

²⁰ Там же. Л. 57.

²¹ Там же. Л. 37.

²² Мышецкий Савва Гаврилович [Эл. ресурс]: General.ru. Родословные известных людей. Режим доступа: http://geneal.ru/modules/family/person.php?person_id=34802, яз. рус. Проверено 19.05.2013.

²³ Там же.

²⁴ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 56.

ститута истории РАН и «Основного собрания русских актов и грамот» (ф. 532) Российской национальной библиотеки. Судебные дела и финансово-административная документация содержат сведения о повседневной жизни самых разных слоёв населения Олонецкого уезда, в числе которых были вкладчики Палеостровского монастыря.

3. Вкладчики: СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, МЕСТОЖИТЕЛЬСТВА

Из 66 вкладчиков, по просьбам которых во второй половине XVII – первой трети XVIII в. в Синодик вносились имена их родственников, почти половина – 32 человека (49 %) – являлись крестьянами. Довольно часто вкладчиками выступали представители духовенства — 12 человек (18 %) и жители посада – 10 человек (15 %). Девять вкладчиков состояли на государственной службе в приказах (6) и полках (3). Монастырь находил поддержку в лице влиятельных представителей местной администрации, состоятельных купцов и помещиков из других уездов.

а) Крестьяне. Только один из крестьян-вкладчиков – Иван Андреев – проживал за пределами Олонецкого уезда, был бобылём церкви Спаса Нерукотворного в Великом Новгороде, в то время как большинство (28 чел.) являлись выходцами из Заонежских погостов. Местожителство трёх на данном этапе исследования не установлено.

Из 28 крестьян-вкладчиков 21 проживал в деревнях Кижского (7), Пудожского (3), Шунгского (3), Шальского (2), Толвуйского (2), Шуйского (3) и Челмужского (1) погостов, расположенных поблизости от монастыря.

В описаниях местожителства трёх крестьян присутствуют указания исключительно на топонимы. Так, в «Унойской волости» (вероятно, имелись в виду Унойские острова, расположенные к юго-востоку от Палеострова) жил вкладчик из рода Падориных, вдова Андреянова – в деревне Селянки, «с Лебецины» был Михаил Даркин²⁵. Вероятно, старцы обители хорошо знали эти места и поэтому у них не возникло необходимости приводить более подробные данные об административной принадлежности окрестных деревень.

Четыре крестьянина-вкладчика проживали в отдаленных от обители местах Олонецкого уезда: Максим Алексеев – в Шелтозерской волости Остречинского погоста, Петр Фирсов Портново – на «олонецких петровских заводах», Павел Пантелеев и род Зяблецовых — в Вытегорском погосте²⁶.

Из сведений, выявленных о жизни старца Лаврентия Пирого и монаха Киприана из Шуньги, следует, что местные престарелые крестьяне нередко доживали свой век в обители, принимая по желанию постриг и посвящая себя молитве Богу.

В конце 1670-х гг. Лаврентий Пирог числился в деревне Хариной в Пайницкой трети Шунгского погоста вместе с трехгодовалым сыном Луч-

²⁵ Синодик. Л. 53 об., 60.

²⁶ Там же. Л. 36 об., 54а об., 60 об.

кой²⁷. В 1707 г. писец Алексей Головин не упоминает среди жителей деревни Хариной сына Левки – Лучку, которому к этому времени должно было исполниться 32 года²⁸. В поминальной записи за именем Лаврентия, принявшего схиму, следуют имена его близких родственников – Луки и Агриппины, в которых со всей очевидностью угадываются его умерший сын и жена.

Монах Киприан из Шуньги также стал иноком обители и, как следует из записи, внесённой в Синодик, принял схиму незадолго до смерти²⁹. Он дал вклад на поминавание своей души и душ двух родственников – схимонахини Дарии и монаха Киприана.

В некоторых случаях вклады за умерших родителей, принявших постриг, передавали в монастырь по духовным грамотам их взрослые сыновья³⁰.

Из челобитной игумена Сергия, поданной в приказ Новгородской четверти в 1648 г., следует, что практика ухода вкладчиков в Палеостровский монастырь была широко распространена в Заонежье в XVII в. Жалуясь на то, что в 1647/48 г. сыщик Василий Золотарев «вывел» девятнадцать «служебников... в Заонежские погосты» и «доправил» с братии «пожилые деньги» в размере 250 руб., игумен разъяснял, что обитель принимала «в служебники ко старым вкладом и вновь со вклады хто откуды похочет всяких людей», которые «жили по вкладным... ни во крестьянех, ни в бобылах... и всякую монастырскую работу работали... годов по пяти, и по семи, и по дватцати и по тритцати, и по сороку и больши» и за труд «из монастырские казны... по вся годы... на платье и на обувь имали»³¹. О значимости «служебников» для Палеострова свидетельствуют слова игумена Сергия о том, что без «тое... работы» братии «прожить мочно и питатца нечем», так как «монастырь место убогое и безвотчинное, стоит на Онеге озере на острову, от всех стран удалело»³².

О размерах вкладов крестьян можно отчасти судить по количеству имён, внесённых в Синодик. Так, восемь записей включают по одному или по два имени; четырнадцать – от трёх до пяти имён; семь – по семь или восемь имён; остальные три – девять, десять и одиннадцать имён соответственно. Это означает, что вклады в большинстве случаев не были велики, но при этом достаточно многочисленны.

Пять крестьян из 32, как удалось установить, дали вклады после разорения монастыря старообрядцами. Имена четырёх записаны тем же по-

²⁷ Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подьячего И. Венякова, 1678 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Кн. 1137(1). Л. 80 об. (далее – ПК 1678). Кн. 1137(1)).

²⁸ Переписная книга помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян и церковнослужителей Шуйской половины Олонецкого уезда А. Ф. Головина, 1707 г. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8579. Л. 195 об. (далее – ПК 1707. Кн. 8579).

²⁹ Синодик. Л. 60.

³⁰ Там же. Л. 36 об., 50–51.

³¹ РГАДА. Ф. 141. Д. 162. Ст. 54–55.

³² Там же. Ст. 54.

черком, что и заголовок, предваряющий их: «1702-го году при игумене Арсении начато быть писать»³³. Двое из четырёх – Михаил Даркин с «Лебещины» и Петр Фирсов Порново с «олонецких петровских заводов» – оставили небольшое пожертвование – только на поминовение своих душ³⁴. Крестьяне из рода Щепиных просили вписать имена Логгина и Захария «убиенного», крестьянин-шелтозерец Максим Алексеев – четыре имени³⁵.

Ещё одна запись – обельного крестьянина Петра Исакова сына Ключарева, в которой он просил поминать по смерти его душу, может быть датирована не ранее начала XVIII в., так как ещё в 1700 г. вкладчик вместе с братом Фёдором проживал в Челмужском погосте³⁶. В этом году игумен Палеостровского монастыря Кирилл пожаловался на братьев Ключаревых воеводе Василию Зотову, заявив, что они в конце 1680-х гг. не отговаривали местных крестьян не примыкать к «раскольникам» и ничего не предпринимали для возрождения в Челмужах храма, который вот уже семь лет стоял «без пения от раскольников в запустении»³⁷.

б) *Монашествовавшее духовенство*. Из 12 представителей духовенства, давших вклады в монастырь, семь являлись иноками. Двое – монах Рафаил и иеромонах Мелхиседек – совершали молитвенный подвиг на Палеострове³⁸. В поминальном списке иеромонаха Мелхиседека указано одиннадцать имен, монаха Рафаила – пять.

Четверо остальных иноков были насельниками монастырей центрального и северо-западного регионов. Так, старец Епифаний, который попросил включить в помянник пять имён своих родственников, нёс послушание в Толгском монастыре³⁹. Старец Мисаил Измайлов принял схиму в Чудовом монастыре. В Синодик записано семнадцать имён его родственников, среди которых упомянуты княгини – Варвара (седьмая в списке) и Ксения (девятая в списке)⁴⁰. Подобные указания позволяют предположить, что старец Мисаил происходил из знатного, возможно боярского, рода.

Старец Парфений подвизался в Тихвинском монастыре. В поминальной записи значатся имена четырёх его родственников⁴¹. В Синодике нет указаний, в братстве какого монастыря состоял ещё один старец – Кормилый [так!]⁴². Список с именами девяти его родственников вставлен между записями, включёнными по просьбам старца Епифания и схимонаха

³³ Синодик. Л. 54–54а.

³⁴ Там же. Л. 54 об., 54а об.

³⁵ Там же. Л. 54а, 54а об.

³⁶ Там же. Л. 51 об.

³⁷ 1700, января 11. – Изветная челобитная игумена Палеостровского монастыря Кирилла олонецкому воеводе Василию Зотову о принятии мер против раскольников // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: сб. док. Петрозаводск, 1948. С. 370.

³⁸ Синодик. Л. 52 с об.

³⁹ Там же. Л. 58.

⁴⁰ Там же. Л. 58 об.

⁴¹ Там же. Л. 50 об., 58, 58 об.

⁴² Там же. Л. 58.

Мисаила⁴³. Полагаем, что, делая вклады, иноки не только взаимно поддерживали друг друга, но и искали молитвенной помощи братии и святых покровителей обители – преподобных Корнилия и Авраамия Палеостровских. Размеры вкладов, судя по количеству имён, варьировались и зависели в том числе от благосостояния и социального статуса вкладчиков до принятия ими пострига.

Когда иноки просили включить в Синодик имена своих родственников – до или после 1680-х гг., за отсутствием более подробных сведений об их жизни неизвестно. Только в одном случае – в конце 1690-х – 1710-е гг. – монастырь поддержал митрополит Новгородский и Великолукский Иов, занявший кафедру в 1697 г. (ум. 1716) и предпринявший немалые усилия для борьбы со старообрядцами⁴⁴. В Синодик включены четыре имени представителей его рода, в том числе имя келейника – схимонаха Ефрема⁴⁵.

в) *Приходское духовенство*. Вкладчиками Палеостровского монастыря были также клирики и причетники. Двое из них проживали в отдалённых от монастыря местностях: пономарь Яков Дмитриев – в Мегорском погосте, священнослужитель из рода Постниковых – в Устюжне Железнопольской⁴⁶. Их вклады не являлись значительными: пономарь просил включить только его имя, Постниковы – три.

Три священника-вкладчика служили в приходских церквях, расположенных по соседству с обителью. В частности, иерей Артемий Андреев состоял в причте церкви Шунгского погоста в середине 1640-х – конце 1670-х гг.⁴⁷

В описи книг из библиотеки Новгородского Софийского собрания, хранящегося в отделе рукописей РНБ, под № 936 учтён Служебник, датированный серединой XVII в. По полям листов 5–18, как удалось выявить сотрудникам отдела, была сделана запись: «184-го [1676/77] году Шунгского погоста поп Артемей Андреев отдал в дом Богородицы сию книгу Служебник по своей души грешной. Подписал своею рукою по смерти поминать»⁴⁸. Уверенно полагаем, что вклад был сделан в Палеостровский монастырь, главный храм которого был посвящён празднику Рождества Богородицы. Соответствующую запись монахи внесли в Синодик уже при игумене Арсении – после 1702 г.

В поминальном списке священника отмечены также имена инока Иосифа, иерея Мануила, мирян Иоанна и Феодосия. Инок Иосифом мог

⁴³ Синодик. Л. 58..

⁴⁴ Митрополит Новгородский Иов (1697—1716 гг.) [Эл. ресурс]: Новгородская епархия. Режим доступа: <http://vn-eparhia.ru/svyatiteli-novgorodskoj-zemli-x-xii-vek/151-svyatiteli-novgorodskoj-zemli-xix-vek/957-iov-mitropolit-novgorodskij>, яз. рус. Проверено 19.05.2013.

⁴⁵ Синодик. Л. 40 об.

⁴⁶ Там же. Л. 50, 59 об.

⁴⁷ Переписная книга Заонежских погостов И. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева, 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. Л. 167 (далее – ПК 1646); ПК 1678. Кн. 1137(1). Л. 54.

⁴⁸ Опись Библиотеки Новгородского Софийского собрания // Отдел рукописей РНБ. № 936.

быть Ивашка Артемьев Попов, сын вкладчика, числившийся в конце 1670-х гг. в одном дворе с отцом⁴⁹. Ивашка Попов, являясь заказчиком Выгозерского стана Заонежской десятины, был хорошо знаком поповскому старосте, обязанности которого исполнял в те годы игумен Палеостровского монастыря Антоний⁵⁰. В монастырь Ивашка Попов ушёл в конце столетия, так как в переписную книгу 1707 г. и в списки священнослужителей 1720 г. его имя не включено.

Иерей Мануил, как удалось установить, приходился родным братом священнику-вкладчику. Он служил в выставках, расположенных не так далеко от Шуньги: в 1660-х гг. – в Лижемской, в 1670-х гг. – в Фоймогубской⁵¹. Под Иоанном, внесённым в список третьим, угадывается третий брат иерея Артемия Андреева – Ивашка Андреев, проживавший в середине 1640-х гг. в деревне Хопаково, Харлово тож в Фоймогубской Губе⁵². Отметим, что сын Ивашки Андреева – Анисимка – в 1649 г. являлся церковным дьячком храма Успения Богородицы в Фоймогубе, однако по требованию переписчика Василия Золотарева перешёл к нему на службу в писцы и вскоре, заслужив доверие начальства и подтвердив своё мастерство, был взят подьячим в олонекскую воеводскую избу⁵³.

По просьбе ещё одного священника Шунгского погоста Иова, служившего в 1670-х – начале 1700-х гг., монахи внесли в Синодик в первой трети XVIII в. его имя и имена двух его родственников – иеромонаха Дионисия, чьё имя стоит первым в списке, и Феодора, отца Иова, состоявшего в причте погостских церквей в середине 1640-х гг. – конце 1670-х гг.⁵⁴

В Синодике указаны также имена родственников священника Евсея Иванова, служившего в 1690-х – 1720-х гг. в церкви Георгия Победоносца в Купецкой выставке Шальского погоста, располагавшейся за Онежским озером⁵⁵. В 1720 г. клирику исполнилось 52 года⁵⁶. Вклад он внёс ещё при жизни, попросив записать три имени – иерея Иоанна, инокини схимницы Наталии и Матфея. Иерей Иоанн, или священник Иван Аристов, приходился вкладчику отцом. В середине 1640-х гг. Иван Аристов проживал в Купецкой выставке, однако в начале 1660-х гг. перешел в причт церковью Волозера⁵⁷. Клирик был хорошо принят в новом приходе и не знал нужды.

⁴⁹ ПК 1678. Кн. 1137(1). Л. 54.

⁵⁰ Сказки попов Кижского и других погостов Новгородской епархии о сборе венечных пошлин и «списки с отписей в венечных пошлинах», 1660–1670 гг. // РНБ. ОСАГ. Д. 5093. Л. 16.

⁵¹ ПК 1678. Кн. 1137(2). Л. 325; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 105. Ст. 2.

⁵² ПК 1646. Л. 192.

⁵³ Сулова Е. Д. Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII в.: опыт локального исследования // Отечественная история. 2009. № 3. С. 125–126.

⁵⁴ Синодик. Л. 53 об.; ПК 1646. Л. 167; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 9. Д. 11. Ст. 9. ПК 1678. Кн. 1137(1). Л. 54; ПК 1707. Кн. 8579. Л. 191.

⁵⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 171. Д. 625. Ст. 94.

⁵⁶ Книга Олонекского уезду церковником и других чинов разночинцом, которые в оклад не положены // РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2374. Л. 66 об.

⁵⁷ ПК 1646. Л. 292об.

Об этом позволяет судить перечень имущества, которое шайка пудожских разбойников во главе с Ивашкой Шпыневым и Ромашкой Побывайковым выкрала из его дома в 1659 г. Среди прочего разбойники унесли «фрезы женские стамидные да кафтан крашенной синей, да шапку попову малиновым цветом, да две или три сороки женских, да скатерть столовую, две яндовы медные, да передцы шитые золотом з двумя серебряными пугвицы, да чепочку с крестами, да зеркало большое з жемчюги, да перстней и жуковин, сколько будет было, про то он не помнит, да покроем зеленую, да денег серебряных рубля два»⁵⁸.

В целом размеры вкладов приходских клириков, судя по количеству имён, внесённых в Синодик (от одного до четырёх), не превышали вкладов местных крестьян. В то же время священники не только проявляли заботу о спасении в загробном мире своих душ и душ сыновей, отцов и братьев, но и, безусловно, подавали пример благочестия собственным прихожанам-крестьянам.

з) *Жители посада*. Каждый седьмой вкладчик Палеостровского монастыря был жителем посада. Из их числа пять являлись выходцами из северо-западных и центральных уездов. Так, Василий Борисов и Осип Петров Ногавичин имели дворы в Новгороде, Максим Андреев Торопчанинов – в Ладого, Иван Михайлов и Лукиан Игумнов – в Ярославле⁵⁹. Наибольшее количество имён родственников попросили внести в Синодик ярославец Лукиан Игумнов (13) и ладожанин Максим Андреев Торопчанинов (11). Новгородцы Осип Ногавичин и Василий Борисов дали вклады на поминовение душ своих родственников – двух и четырёх соответственно; в записи ярославца Ивана Михайлова значится шесть имён.

Ещё пять жителей посада имели собственные дворы в деревнях, приписанных к городу Олонцу. В поминальной записи Емельяна Безсонова указано три имени, семьи Чюсовых — два и три имени (внесены в Синодик в разное время), Григория Тимофеева — 19 имен, Леонтия Мокушева — 22 имени⁶⁰. Приведенные сведения позволяют предположить, что на молитвенную помощь обители надеялись и поддерживали её жители посада с разным уровнем достатка.

Уверенно полагаем, что две записи из десяти были составлены в конце XVII – первой трети XVIII в. Одна из них внесена в Синодик по просьбе олончанина Леонтия Мокушева уже после его смерти. В числе его родственников, проживавших в середине XVII в., был «старец» Палеостровского монастыря Гаврила Мокушев (девятый в списке)⁶¹. Из челобитной откупщика Андрюшки Ростовцева, поданной в олонецкую воеводскую избу в апреле 1650 г., следует, что «старец» Гаврила Мокушев вместе со «старцем» Афанасием и «служкой» Гаврилкой Левонтиевым «на другой день Христова дни на праздник Пречистой Богородицы... вязьем били до

⁵⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 64. Ст. 15—16.

⁵⁹ Синодик. Л. 50 с об., 52.

⁶⁰ Там же. Л. 50, 51 с об., 60.

⁶¹ Там же. Л. 60.

полусмерти» приехавших на ярмарку в монастырь «чюмаков» и «стойщиков»⁶². Считая непристойной продажу хмельных напитков в обители, старцы не только «вино пролили», но и, как жаловался откупщик, более «впускать на ярманки не хотят, похваляютце... убийством и грабежем»⁶³.

Во второй записи, внесенной в Синодик в конце XVII – начале XVIII в., поминались два родственника из рода Евтропа Кириллова Чюсова, проживавшего в 1700-х гг. в деревне Чюсовой близ г. Олонца, – схимонах Афанасий и Димитрий⁶⁴. Схимонахом был его дед, в миру – Андрей Чюсов, принявший в старости постриг и схиму.

Следует отметить, что семья Чюсовых трижды в течение второй половины XVII–XVIII в. делала вклады в Палеостровский монастырь. Первым вклад внёс основатель династии – Андрей Иванов Чюсов, один из самых состоятельных и влиятельных людей Олонецкого уезда. В 1649 г. в числе зажиточных крестьян Шуйского погоста, проезжавших в 1640-х гг. с товарами на ярмарки в Тихвин, Архангельск и Повенец, он был переселён на олонецкий посад⁶⁵. В 1650-е – 1670-е гг. Андрей Чюсов принимал активное участие в земской и хозяйственной жизни Заонежских погостов – являлся денежным сборщиком (1650 г.) и судьей (1651, 1663 гг.) Шуйского погоста⁶⁶; окладчиком пятинных денег в Кижском погосте (1664 г.)⁶⁷; хлебным подрядчиком крестьян Шунгского погоста (1670–1672 гг.)⁶⁸; головой (1673/74 г.) и «винным подрядчиком» (1674/75г.) олонецкого кабака⁶⁹.

Ещё при жизни он попросил записать в Синодик имена близких родственников – Матроны, Феодора и Евтропия⁷⁰. Второй вклад, как указано выше, сделал в монастырь его внук, Евтроп Кириллов Чюсов. Третье пожертвование в семь рублей, спустя почти век – в 1798 г., дали в монастырь их потомки⁷¹.

д) *Подьячие*. Шесть вкладчиков состояли на службе в приказах. Один из них – Федор Кишмутин – попросил внести запись в Синодик, будучи подьячим приказа Новгородской четверти в 1656–1677 или в 1683–1698 гг.⁷² Его поминальный список включает 36 имён. Афанасий Георгиев, отмеченный в Синодике как «московский подьячий», внес вклад на поминовение душ девяти родственников⁷³.

⁶² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 48(3). Ст. 1–2.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ПК 1707. Кн. 8579. Л. 30. Синодик. Л. 51.

⁶⁵ ПК 1646. Л. 96 об.–97. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 147(28). Ст. 39.

⁶⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 144. Ст. 1–2; Д. 147(28). Ст. 39; К. 2. Д. 32. Ст. 2–4.

⁶⁷ Там же. К. 5. Д. 59. Ст. 1.

⁶⁸ Там же. К. 6. Д. 91. Ст. 40; Д. 95(1). Ст. 66, 48.

⁶⁹ Там же. Д. 114. Ст. 1–15; К. 7. Д. 1136. Ст. 2об.

⁷⁰ Синодик. Л. 51об.

⁷¹ Там же. Л. 57.

⁷² Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700 гг.): Биографический справочник / отв. сост. Г. А. Иванова. М., 2011. С. 261.

⁷³ Синодик. Л. 36об.

Третий подьячий из выявленных нами, Исак Ермолаев, служивший в приказе Казанского дворца в середине 1620-х гг., был выходцем из Олонецкого уезда, отцом обельного крестьянина Челмужского погоста Петра Исакова Ключарева⁷⁴. В Синодик внесены две записи семьи Ключаревых. Ранняя – по просьбе самого подьячего — во второй половине XVII в., после его смерти (включает его имя и имена четырёх его родственников)⁷⁵. Поздняя, как отмечалось выше, по просьбе его сына, Петра Исакова, — в начале XVIII в.

Ещё три подьячих-вкладчика занимались письмоводством в местных административных учреждениях. Так, Иван Холщов – состоял в конце 1670-х – начале 1700-х гг. в штате олонечкой воеводской избы⁷⁶. Один из его взрослых сыновей – Терентий – в начале 1700-х гг. служил с отцом «в приказной полате в подьячих», другой – Ананья с сыном Исаком и племянником Федором Михайловым – вели торговлю в Швеции и в начале Северной войны были задержаны в Стокгольме⁷⁷.

В Синодик записаны имена двух родственников Ивана Холщова⁷⁸. Первым указано имя его отца – Фёдора⁷⁹. Вторым – имя дяди вкладчика Иоанна, чей сын – Алешка Иванов Холщов – также служил подьячим на Олонце в середине 1660-х – начале 1670-х гг.⁸⁰, в 1675 г. был уличён в хищении денег вместе с дьяком Андреем Богдановым, взят под стражу, однако вскоре освобождён и в середине 1680-х гг. вновь включен в штат избы⁸¹.

Подьячие Роман Швалев и Евтихий Немцов внесли свои вклады в монастырь в первой трети XVIII в. По просьбе первого монахи включили в Синодик одиннадцать имен⁸². Сведения о двух родственниках Романа Швалева – Киприане (третий в списке) и Андрее (пятый в списке) – выявляются по актам приказного делопроизводства второй половины XVII в. Так, выясняем, что Кипрушка Иванов сын Швалев, житель Олонца, в 1675 г. вёл тяжбу с крестьянами Пудожского погоста, которые не выплатили в срок долги по кабалам и записям⁸³. Андрей Швалев работал в 1690-х гг. площадным подьячим на Олонце⁸⁴. Выявленные сведения о родственниках подьячего позволяют пред-

⁷⁴ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 39–40.

⁷⁵ Синодик. Л. 53.

⁷⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 9. Д. 42. Ст. 5. ПК 1707. Кн. 8578. Л. 6.

⁷⁷ ПК 1707. Кн. 8578. Л. 6; Список российских пленных, находившихся в Швеции, 1705 г. // Козлов С. А. Русские пленники великой Северной войны 1700–1721 гг. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. С. 325.

⁷⁸ Синодик. Л. 50об.

⁷⁹ Удалось выявить отчество подьячего (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 8. Д. 139. Ст. 5).

⁸⁰ Там же. К. 2. Д. 65. Ст. 15–22, 31–40, 46–50, 51–57.

⁸¹ Там же. К. 6. Д. 108. Ст. 1–6, К. 7. Д. 7б. Ст. 4 об., 5 об. Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 606.

⁸² Синодик. Л. 56.

⁸³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 7. Д. 83. Ст. 1–2; Д. 89а. Ст. 1–3.

⁸⁴ Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде / Сост. Г. П. Енин. Л., 1990. Вып. 10: 1691–1695 гг.

положить, что он, также будучи жителем Олонца, служил в местном административном учреждении или даже на площади из найма.

Евтихий Феодорович Немцов, подьячий «шуйских заводов» и «житель московский», передал в обитель «крест серебрянной на престольной с мощми» с просьбой включить в Синодик одиннадцать имён своих родственников⁸⁵.

е) *Солдаты и стрельцы*. В Синодике упоминаются три вкладчика, состоявшие на военной службе. Один из них – Григорий Филиппев – был отставным стрельцом из полка Лаврентия Панкратьева Сухарева. Его поминальный список, самый пространный из выявленных нами, включает имена 42 усопших родственников Григория Филиппева⁸⁶. О самом Григории Филиппеве никаких сведений нет. В то же время известно, что полк, в котором он служил, отличился верностью Петру I во время стрелецкого бунта.

Вклад в Палеостровский монастырь передал также солдат «с Петровских заводов» — Степан Яковлев Кротов⁸⁷. В Синодик записаны имена четырех его родственников — Тихона, Иакова, Софония и Дарии.

Подробные сведения удалось выявить о порутчике-вкладчике Якове Ходыченкове и его семье. Первыми в Синодике упоминаются его родители Иеремия и Евдокия. В бумагах олонецкого воеводы сохранились сведения о том, что Иеремия (христианское имя иноземца Еремея Ходыченкова) состоял на службе московского государя. Его жена Евдокия (по актам приказного делопроизводства – Авдотья Алексеева) в начале 1670-х гг. овдовела и стала получать «з детьми» половину «мужня окладу 6 рублей 16 алтын 4 деньги да поденного корму вполы ж 6 рублей 12 алтын пол-6 деньги»⁸⁸. В 1680-х гг. Авдотья Алексеева вышла замуж за новгородца Ивана Некрасова, приехавшего в Олонецкий уезд для взыскания с крестьян рублевых денег. Дети от первого брака – Янка и Июдка «с сестрами» – продолжали получать половину жалованья умершего отца – «12 рублей 29 алтын пол-4 деньги»⁸⁹.

В начале Северной войны порутчик Яков Ходыченков был призван на службу. Сведения о том, что он проживал «в Коблуковской слободе двором своим» писец Герасим Корсаков, описывавший край в 1707г., получил от его сына Ивана⁹⁰. Тот же писец выяснил, что брат Якова, Июда Ходыченков, «был в капитанех», но «побит от приходу шведов»⁹¹. В Синодик имя Июды не включено, за именами родителей следуют имена ещё двух родственников – Ксении и Иосифа. Это наблюдение позволяет утверждать, что запись в рукопись была внесена не позднее конца XVII в.

⁸⁵ Синодик. Л. 56об.

⁸⁶ Синодик. Л. 59.

⁸⁷ Там же. Л. 54а об.

⁸⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 6. Д. 99(1). Ст. 12; Д. 99(3). Ст. 39, Д. 114. Ст. 3, 6.

⁸⁹ Там же. К. 9. Д. 15и. Ст. 1об.

⁹⁰ Переписная книга жителей посада, стрельцов, пушкарей, приказных служителей и церковнослужителей Г. А. Корсакова, 1707 г. // РГАДА. Кн. 8578. Л. 5. (далее ПК 1707. Кн. 8578).

⁹¹ ПК 1707. Кн. 8578. Л. 5об.

ж) *Купцы, гости и представители местной администрации.* Монастырь находил поддержку и в лице высокопоставленных лиц из местной администрации. Одним из них был вице-комендант Олонецкого горного округа 1707–1711 гг., первый начальник конторы Олонецких петровских заводов Алексей Семенович Чоглоков, который дал вклад на поминовение душ 13 своих родственников⁹². Первыми в списке значатся имена его родителей – Симеона и инокини-схимницы Анфисы.

Пожертвование в монастырь передал также представитель из рода «гостя Строгонова»⁹³. Внимательный анализ четырёх имён, внесённых в Синодик, позволяет сделать вывод, что вкладчиком являлся Григорий Дмитриевич Строганов (1656–1715), крупный финансист, землевладелец и меценат, который, молясь о даровании наследника, начал возводить храмы в принадлежавших ему имениях⁹⁴.

Первыми в Синодике указаны его родители – схимонахиня Александра и Димитрий. Включены также имена первой жены Григория Строганова – Вассы Ивановны Мещерской (ум. 1693 г.) и младенца Иоанна (ум. между 1701–1704 гг.), родившегося в браке со второй женой – Марией Яковлевной Новосильцевой.

Вкладчиком Палеостровского монастыря стал и «любимский купец» Яков Соловов, ведший торговлю зарубежом. По просьбе купца в Синодик внесены имена одиннадцати его родственников⁹⁵.

4. ВЫВОДЫ

Синодик, хранящийся в Древлехранилище Института Русской Литературы РАН, активно пополнялся во второй половине XVII – первой трети XVIII в. Это свидетельствует о том, что Палеостровский монастырь в указанную эпоху являлся центром духовной жизни локального сообщества, которое возлагало надежды на молитвенную помощь братии и святых покровителей обители. В первую очередь Палеостров находил поддержку среди крестьян Олонецкого уезда. Их вклады, судя по количеству имён, внесённых в рукопись, не были велики, однако достаточно многочисленны.

Духовную связь с монастырём поддерживали приходские клирики и причетники уезда, жители олонецкого посада, подьячие, служившие в местных учреждениях, и представители администрации. Постепенно стал складываться постоянный круг вкладчиков. На данном этапе исследования выявлены два зажиточных рода – Ключаревых (из обельных крестьян) и Чюсовых (из зажиточных жителей посада), поддерживавших духовную связь с монастырём на протяжении полутора столетий.

Во второй половине XVII – первой трети XVIII в. Палеостровский монастырь был известен и за пределами Карелии, о чём свидетельствует присутствие в числе вкладчиков выходцев из северо-западных и централь-

⁹² Синодик. Л. 56.

⁹³ Там же. Л. 51.

⁹⁴ Кузнецов С. О. Дворцы и дома Строгоновых. Три века истории. М., 2008. С. 18–20.

⁹⁵ Синодик. Л. 51, 60.

ных регионов страны – иноков, подвизавшихся в разных монастырях страны, подьячих центральных приказов, помещиков и купцов. Вклады некоторых из них, исходя из количества внесённых в Синодик имён, нередко в несколько раз превышали вклады крестьян и сельского духовенства Заонежских погостов, многие из которых заботились в первую очередь о поминовении своей души и душ самых близких родственников по прямой и по боковой линиям.

В конце XVII в., после разорения Палеострова старообрядцами, монастырь поддержали самые разные слои населения края и состоятельные лица из других регионов страны. (На данном этапе исследования установлено, что 16 из 66 вкладчиков (24 %) дали вклады в 1690–1730-е гг., при этом 14 проживали в уезде.) Выявленные сведения позволяют поставить под сомнение выдвинутое Е. В. Барсовым предположение о том, что после разорения монастыря «раскольниками» в конце 1680-х гг. он «быстро упал, не имея поддержки со стороны зажиточных жителей Заонежья Повенецкого уезда, так как почти все они совращены были в раскол и не хотели благотворить киновии, всегда верной Православию, и чаще старались отнять у иноков исконное их достояние»⁹⁶.

Следует отметить, что восстановлению Палеострова вплоть до начала XVIII в. содействовало и государство, которое с 1689 г. назначило братии ругу и выделило сто рублей для проведения строительных работ⁹⁷. Вполне обосновано утверждение Ю. Н. Кожевниковой о том, что упадок обители в XVIII в. был связан с изменением политики государства в отношении монастырей. С нашей точки зрения, первостепенную роль в этом сыграло законодательство, вводившее возрастные, сословные и гражданские ограничения для желающих принять постриг. В свете выявленных нами сведений о «служках» следует, что именно они – уже не в первый раз, но теперь окончательно – были выведены из обители, которая лишилась не только мирян, готовых принять постриг и пополнить число братии, но и доходов от их почти безвозмездного труда⁹⁸.

Список литературы:

1. Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 1.
2. Беспятых Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988.
3. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700 гг.): Биографический справочник / отв. сост. Г. А. Иванова. М., 2011.
4. Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М., 2011. Вып. 6.

⁹⁶ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 55.

⁹⁷ Там же. С. 53.

⁹⁸ Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество... С. 64; Её же. Палеостровский монастырь... С. 46-48.

5. *Кожевникова Ю. Н.* Заштатные монастыри Олоенцкой и Петрозаводской епархии. Результаты и последствия секуляризационной реформы 1764 г. (на примере Палеостровского Рождества Богородицы монастыря) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10.
6. *Кожевникова Ю. Н.* Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009.
7. *Кожевникова Ю. Н.* Палеостровский монастырь и «антимонашеская» политика государства в XVIII в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13.
8. *Козлов С. А.* Русские пленные великой Северной войны 1700–1721 гг. СПб., 2011.
9. *Кузнецов С. О.* Дворцы и дома Строгоновых. Три века истории. М., 2008.
10. *Суслова Е. Д.* Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII в.: опыт локального исследования // Отечественная история. 2009. № 3.
11. *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

THE PALEOSTROVSKY MONASTERY AND LOCAL COMMUNITY IN THE EARLY MODERN PERIOD (BY APPOINTMENT SINODIKAN ACTS AND FILING WRIT)

E. D. Suslova

The Petrozavodsk State University, the Dept. of General History

The author examines the economic life and management Paleostrovsky monastery in the second half of XVII - the first third of the XVIII century. - In the period after the destruction of the Monastery of the Old Believers, and refutes the perception that the monastery was fading. The author analyzes the relations existing between the monks and the local community, and notes that one of the ways to restore and support the monastery were donations - contributions. The characteristics of depositors and shows that most of them were farmers, besides the monastery found support in the face of the clergy, influential members of the local administration, wealthy merchants and landowners from other counties. It is noted that the restoration of the monastery helped support the state.

Keywords *Paleostrovsky monastery Zaonezhie churchyard Synodicon, monasticism, the investor (vkladchik), to swear (ruga).*

Об авторе:

СУСЛОВА Евгения Дмитриевна – Петрозаводский государственный университет, кафедра всеобщей истории, кандидат исторических наук, e-mail: evgenia.suslova@mail.ru

About the author:

SUSLOVA Evgeniya Dmitrievna – The Candidate of Historical Sci-

ences, the Petrozavodsk State Technical University, the Dept. of General History (185640, Petrozavodsk, prosp.Lenina, 33, office. 410), e-mail: evgenia.suslova@mail.ru

References

- Barsov E. V. Paleostrov, ego sud'ba i znachenie v Obonezhskom krae // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete. M., 1868. Kn. 1.
- Bespyatykh Yu. N., Kovalenko G. M. Kareliya pri Petre I. Petrozavodsk, 1988.
- Demidova N. F. Sluzhilaya byurokратиya v Rossii XVII veka (1625–1700 gg.): Biograficheskiy spravochnik / otv. sost. G. A. Ivanova. M., 2011.
- Dergacheva I. V. Drevnerusskii Sinodik: issledovaniya i teksty. M., 2011. Vyp. 6.
- Kozhevnikova Yu. N. Zashtatnye monastyri Olonetskoй i Petrozavodskoi eparkhii. Rezul'taty i posledstviya sekulyarizatsionnoi reformy 1764 g. (na primere Paleostrovskogo Rozhdestva Bogoroditsy monastyrya) // Kizhskii vestnik. Petrozavodsk, 2005. Vyp. 10.
- Kozhevnikova Yu. N. Monastyri i monashestvo Olonetskoй eparkhii vo vtoroi polovine XVIII — nachale XX v. Petrozavodsk, 2009.
- Kozhevnikova Yu. N. Paleostrovskii monastyr' i «antimonasheskaya» politika gosudarstva v XVIII v. // Kizhskii vestnik. Petrozavodsk, 2011. Vyp. 13.
- Kozlov S. A. Russkie plennye velikoi Severnoi voiny 1700–1721 gg. SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya, 2011.
- Kuznetsov S. O. Dvortsy i doma Strogonovykh. Tri veka istorii. M., 2008.
- Suslova E. D. Severnoe dukhovenstvo kak istochnik popolneniya prikaznoi byurokratii XVII v.: opyt lokal'nogo issledovaniya // Otechestvennaya istoriya. 2009. № 3.
- Chernyakova I. A. Kareliya na perelome epokh: Ocherki sotsial'noi i agrarnoi istorii XVII veka. Petrozavodsk, 1998.

Статья поступила в редакцию 12.05.2013